

СТАТЬИ

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ТЕМЧИН
Вильнюсский университет

**Литературная параллель
к Пространному житию Константина-Кирилла Философа:
“Бог наш — как морская глубина” (гл. 6)**

Вильяму Р. Федеру к 60-летию

Пространное житие Константина-Кирилла Философа является не только важнейшим историческим источником, по которому мы судим о жизни и деятельности славянского первоучителя [Dvornik 1933], но и прекрасным агиографическим произведением, широко использующим бытовавшие в Византии художественные образы, не имеющие отношения к Константину Философу [см.: van Esbroeck 1986; Ševčenko 1991]. Поиск литературных параллелей к Житию способствует не только более глубокому пониманию художественной природы этого произведения, но и более точному вычленению из него элементов исторической реальности.

Предполагается, что при написании Жития агиограф использовал авторские тексты самого Константина. Основанием для этого служит глава 10 Жития, где в описании хазарского диспута славянского первоучителя с иудеями и мусульманами читается пассаж: “Из многого (что там было сказано,) поместили мы здесь, сократив, лишь немного, памяти ради. А если хотите полную (запись) бесед святых искать, то найдете ее в книгах его, что перевел учитель наш и архиепископ Мефодий, брат Константина Философа, и разделил их на 8 Слов; и увидите в них, как сильны слова, (вдохновенные) Божьей благодатью, как пылающее пламя на противников”¹.

Попытки установить состав этого собрания произведений славянского первоучителя из восьми Слов остаются безуспешными [см.:

Флоря 2000, 234, прим. 31], но специалисты полагают, что здесь имеется в виду “полемическое сочинение Константина, направленное против иудейской веры, а не запись действительно имевшего место диспута” [Флоря 2000, 230, прим. 3; ср.: Мориясу 1981, 43–48]. Допускается также, что полемический трактат Константина против арабов, записанный в форме диалога, был использован агиографом при описании сарацинской миссии и состоявшегося там прения славянского первоучителя с мусульманами [Флоря 2000, 217, прим. 6].

Житие дает основание утверждать, что в своих (предполагаемых) произведениях Константин активно использовал труды своего любимого писателя Григория Богослова, многие из которых он знал наизусть (ср. гл. 3 Жития), а в полемике с иудеями и мусульманами охотно прибегал к форме притчи, что говорит об особенностях его риторического стиля, ориентированного на особую (нехристианскую) аудиторию [Петканова 1985, 102–103].

В. Вавржинек исследовал влияние сочинений Григория Богослова на Пространное житие Константина и подтвердил факт этого влияния множеством достоверных примеров [Vavřínek 1962]. Чешский ученый среди прочего отметил, что сравнение Бога с морской глубиной, использованное славянским первоучителем в его диспуте с арабами, имеет параллель в двух гомилиях Григория Богослова [Vavřínek 1962, 110].

Вот это место Жития (гл. 6):

На обеде же сидели агаряне, люди умные и начитанные, наученные геометрии и астрономии и другим учениям, и, чтобы испытать его, спрашивали, говоря: “Видишь ли, Философ, дивное чудо, как божий пророк Мухаммед, что принес нам благую весть от Бога, обратил многих людей (в свою веру) и все мы держимся его закона, ни в чем (его) не нарушая. Вы же, соблюдая закон Христа, вашего пророка, сохраняете и исполняете его так, как угодно каждому из вас: один — так, а другой — иначе”. Философ ответил им: “Бог наш — как морская глубина, а пророк говорит о нем: ‘Род Его кто изъяснит? ибо жизнь Его взята от земли’. И ради поисков Его многие сходят в ту глубину и сильные разумом с Его помощью, обретя богатство духовное, переплывают и возвращаются, а слабые, как те, кто пытаются переплыть на гнилых кораблях, одни тонут, а другие с трудом едва спасаются, погружаемы немощной ленью. Ваше же (море) — и узко, и удобно, и может перескочить его каждый, малый и великий. Нет (в нем ничего) сверх обычной человеческой (меры), но лишь то, что все могут делать...” [Флоря 2000, 144–145].

Предполагаемая параллель из Григория Богослова представляет собой один пассаж, использованный автором в двух разных гоми-

лиях — на Рождество Христово с инципитом *Χριστὸς γεννᾶται, δοξάζατε...* (слово № 38) и на Пасху с началом *Ἐπὶ τῆς φυλακῆς μου στήσομαι...* (слово № 45), где один и тот же текст (§ 7 в первой гомилии и § 3 во второй) повторяется дословно [Migne 1885, 311–334 (гомилия № 38), 623–664 (гомилия № 45), интересующий нас фрагмент: 317, 625–627]. В церковнославянской рукописной традиции перевод этих двух гомилий представлен начиная уже с XI века². Интересующий нас пассаж выглядит так:

Бог всегда был, есть и будет, или, лучше сказать, всегда есть; ибо слова: был и будет, означают деления нашего времени и свойственны естеству преходящему; а Сущий — всегда. И сим именем именует Он Сам Себя, беседа с Моисеем на горе; потому что сосредоточивает в Себе Самом всецелое бытие, которое не начиналось и не прекратится. Как некое море сущности, неопределимое и бесконечное, простирающееся за пределы всякого представления о времени и естестве, одним умом (и то весьма неясно и недостаточно, не в рассуждении того, что есть в Нем Самом, но в рассуждении того, что окрест Его), чрез набрасывание некоторых очертаний, оттеняется Он в один какой-то облик действительности, убегаящий прежде, нежели будет уловлен, и ускользающий прежде, нежели умопредставлен, столько же осиявающий владычественное в нас, если оно очищено, сколько быстрота летящей молнии осиявает взор³.

Как видим, здесь речь идет не о морской глубине, а о безбрежном море сущности (*πέλαγος οὐσίας*), т.е. слово *море* употреблено здесь в качестве метафоры, которая затем разрабатывается в совершенно ином ключе, нежели в Пространном житии Константина.

Гораздо более близкий контекст содержится в псевдозлатоустовой гомилии, начинающейся словами *Τί εἶπω, ἢ τί λαλήσω...* и положенной на Воздвижение Креста (14 сентября) [Migne 1862, 815–820]. Это произведение, известное в церковнославянской рукописной традиции по крайней мере с начала XV века (инципит: *Что реку, или что возглаголю...*), вошло в Великие Минеи Четьи [ВМЧ 1869, 675–682] и учтено в недавно изданном каталоге [Гранстрем, Творогов, Валявичюс 1998, 183, № 647], где, однако, не указан греческий оригинал. Вот интересующий нас пассаж:

А желаю я вам с помощью образов показать: что есть Бог? Пользуясь сказанием, говорю: Бог подобен человеку, сидящему на утесе и созерцающему все море, корабли, ходящие по нему, море — непостоянное, возбуждаемое треволнениями, вследствие того, что в нем дуют жестокие ветры; вот некоторый прекрасный кормчий, соперничая с волнами, пытается ввести корабль в спокойную гавань, потому что застывает позднее время, — пытается ввести, боясь, чтобы корабль не утонул, так как

инные корабли идут по прямой дороге, а другие вследствие сильного натиска ветров погружаются в воду и погибают, при чем некоторые люди умирают, а некоторые остаются в живых и достигают земли, схватившись за какой-нибудь жалкий руль и выбрасываемые на сушу весьма сильными волнами; а также бывают выбрасываемы тела и умерших уже. Все же это созерцает сидящий на утесе; это — Бог, и, как я прежде сказал, я говорю, пользуясь сказанием. А когда я скажу о Боге, сидящем на высоких местах, то не думай, что Он находится только на высоких местах, но думай, что Он присутствует и всюду (цитируется по изданию [Иоанн Златоуст 1896, 888–889]).

Ряд особенностей роднит этот контекст с приведенным выше фрагментом из Жития Константина: а) форма притчи при объяснении сущности Бога; б) образ моря как модель человеческого мира; в) подчеркивание различной судьбы людей, пытающихся пересечь это море. При этом сравнение Бога с морской глубиной, используемое Житием, не противоречит утверждению псевдозлатоустовой гомилии о том, что Бог подобен человеку, сидящему на утесе, как может показаться на первый взгляд, поскольку “когда я скажу о Боге, сидящем на высоких местах, то не думай, что Он находится только на высоких местах, но думай, что Он присутствует и всюду”, т.е. также и в морской глубине.

При всем сходстве сравниваемых текстов между ними есть принципиальное различие: в устах славянского первоучителя звучит полемическое противопоставление широкого моря христианского верования, покоряющегося лишь наиболее достойным, и узкого моря ислама, доступного, по его мнению, каждому верующему.

Итак, сравнение Бога с морской глубиной в Пространном житии Константина-Кирилла Философа восходит, видимо, не к проповедям Григория Богослова, а к псевдозлатоустовой гомилии на Воздвижение Креста. С этим произведением был знаком если не сам Константин, то по крайней мере его агиограф, которого И. Шевченко обоснованно считает представителем греческой колонии Рима [Ševčenko 1999]. Нужно надеяться, что дальнейшее исследование круга чтения славянского первоучителя и/или его агиографа поможет нам уточнить, что именно в Пространном житии принадлежит первому, а что — второму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее Житие цитируется по русскому переводу [Флоря 2000, 160].

² См. издание текста по древнейшей рукописи [Будилович 1875, 110–121 (слово на Рождество Христово, инципит: *Христос раждается, славите...*), 245–269 (слово на Пасху, инципит: *На месте своем стану...*)]. В этой рукописи первое слово представлено в охридском, а второе — в более новом преславском переводе [см.: Дегтев 1991].

³ Цитируется по изданию [Григорий Богослов, 1912, 524 (слово № 38); то же с редкими вариантами перевода: 663 (слово № 45)].

ЛИТЕРАТУРА

- Будилович А.С., 1875: *XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской Публичной библиотеки XI века: Критико-палеографический труд*. Санкт-Петербург.
- ВМЧ, 1869: *Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием*, сентябрь, дни 14–24. Москва.
- Гранстрем Е.Э., Творогов О.В., Валявичюс А., 1998: *Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков: Каталог гомилий*. Opladen–Санкт-Петербург (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 100; Patristica Slavica, Bd. 4).
- Григорий Богослов, 1912: *Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского*, т. 1, кн. 4. Санкт-Петербург.
- Дегтев С.В., 1991: *Замечания о двух переводах в составе сочинения Григория Назианзина 'Тринадцать слов'*, in Вомперский В.П. (ред.), *Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян*. Москва, 36–41.
- Иоанн Златоуст, 1896: *Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе*, т. 2. Санкт-Петербург.
- Мориясу Т., 1981: *Хазарская миссия Константина (ее значение в ЖК)*, in *Старобългарска литература*, кн. 10. София, 39–51.
- Петканова Д., 1985: *Литературное дело на Константин-Кирил*, in Игнатова А., Станчев К. (съст.), *Изследвания по кирилметодиевистика*. София, 96–115.
- Флоря Б.Н., 2000: *Сказания о начале славянской письменности*, [2-ое изд.] Санкт-Петербург.
- Dvornik F., 1933: *Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance*, Prague.
- van Esbroeck M., 1986: *Le substrat hagiographique de la mission khazare de Constantin-Cyrille*, in *Analecta Bollandiana*, t. 104. Bruxelles, 337–348.
- Migne J.-P. (ed.), 1862: *Patrologiae cursus completus*, Series graeca, t. 50: *Joannis Chrysostomi opera omnia quae extant*. Parisiis.
- Migne J.-P. (ed.), 1885: *Patrologiae cursus completus*, Series graeca, t. 36: *Gregorii Theologi opera quae extant omnia*. Parisiis.

- Ševčenko I., 1991: *Byzantium and the Slavs in Letters and Culture*. Cambridge (MA)–Napoli (Renovatio 1), 285–298: “The Greek Source of the Inscription on Solomon’s Chalice in the *Vita Constantini*” (первоначальная публикация: *To Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of His Seventieth Birthday*. The Hague, 1967, 1806–1817) and 729–733.
- Ševčenko I., 1999: Constantine-Cyril, Apostle of the Slavs, as ‘Bibliothecary’, or how Byzantine was the Author of Constantine’s *Vita*?, in Nagy B., Sebök M. (eds.), ...*The Man of Many Devices, Who Wandered Full Many Ways....*: Festschrift in Honor of János M. Bak. Budapest, 214–221.
- Vavřínek V., 1962: Staroslověnské životy Konstantína a Metoděje a panegyriky Řehoře z Nazianzu, in *Listy filologické*, t. 85. Praha, 96–122.

E-mail: sergejus.temcinas@flf.vu.lt

Август 2002 г.

SERGEJ JUR’EVIČ TEMČIN

**Textual parallel to the Vita of Constantine-Cyril the Philosopher:
“Our God is like the depths of the sea” (chapter 6)**

The author argues that the comparison of the Christian God to the depths of the sea, used by Constantine the Philosopher in his disputation with the Arabs (as described in chapter 6 of his *Vita*), goes back to the pseudo-Chrysostomian festal sermon for Holy Cross Day (14 September), and not to the homilies by Gregory of Nazianzus, as have been proposed by V. Vavřínek.